

АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН

ЕЩЁ РАЗ
БАЗАРОВ

Александр Герцен
Ещё раз Базаров

«Public Domain»

1868

Герцен А. И.

Ещё раз Базаров / А. И. Герцен — «Public Domain», 1868

«Вместо письма, любезный друг, посылаю тебе диссертацию, да еще неоконченную. После нашего разговора я перечитал статью Писарева о Базарове, которую совсем забыл, и очень рад этому, то есть не тому, что забыл, а тому, что перечитал. Статья эта подтверждает мою точку зрения. В своей односторонности она вернее и замечательнее, чем об ней думали ее противники...»

Содержание

Письмо первое	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Герцен Ещё раз Базаров

Письмо первое

Вместо письма, любезный друг, посылаю тебе диссертацию, да еще неоконченную. После нашего разговора я перечитал статью Писарева о Базарове, которую совсем забыл, и очень рад этому, то есть не тому, что забыл, а тому, что перечитал. Статья эта подтверждает мою точку зрения. В своей односторонности она вернее и замечательнее, чем об ней думали ее противники.

Верно ли понял Писарев тургеневского Базарова, до этого мне дела нет. Важно то, что он в Базарове узнал *себя* и *своих* и добавил, чего не доставало в книге. Чем Писарев меньше держался колодок, в которые разгневанный родитель старался вколотить упрямого сына, тем свободнее перенес на него свой идеал.

Но «в чем же может быть интересен для нас идеал г. Писарева? Писарев – бойкий критик, он писал много, писал обо всем, иногда о таких предметах, которые знал, но все это не дает его идеалу права на общее внимание».

В том-то и дело, что это не его личный идеал, а тот идеал, который *до* тургеневского Базарова и после *него* носился в молодом поколении и воплощался не только в разных героях повестей и романов, но в живые лица, старавшиеся принять в основу действий и слов своих базаровщину. То, что Писарев говорит, я слышал и видел десять раз; он простодушно разболтал задушевную мысль целого круга и, собрав в одном фокусе рассеянные лучи, осветил ими нормального Базарова.

Базаров для Тургенева больше, чем посторонний, для Писарева – больше, чем свой; для изучения, конечно, надобно взять тот взгляд, который в Базарове видит свой *desideratum*¹.

Противники Писарева испугались его неосторожности; отрекаясь от тургеневского Базарова, как от шаржи, они отмахивались еще больше от его преображенного двойника; им было неприятно, что Писарев опростоволосился, но из этого не следует, что он его неверно понял.

Писарев знает сердце своего Базарова дотла, он исповедуется за него. «Может быть, – говорит он, – Базаров в глубине души признает многое из того, что отрицает на словах, и, может быть, именно это признаваемое, это затаившееся спасает его от нравственного падения и от нравственного ничтожества». Мы считаем эту нескромность, заглянувшую так далеко в чужую душу, очень важной.

Дальше Писарев так характеризует своего героя: «Базаров чрезвычайно самолюбив, но самолюбие его незаметно (ясно, что это не тургеневский Базаров) именно вследствие этой громадности. Удовлетворить Базарова могла бы только *целая вечность постоянно расширяющейся деятельности и постоянно увеличивающегося наслаждения*².

Б. везде и во всем поступает только так, как ему хочется, или как ему кажется выгодным и удобным, им управляет только личная прихоть или личные расчеты. Ни под собой, ни вне себя, ни внутри себя он не признает никакого регулятора. Впереди никакой высокой цели, в уме никакого высокого помысла, и при всем этом силы огромные. Если базаровщина

¹ желаемое, искомое (*лат.*).

² Юность любит выражаться разными несоизмеримостями и поражать воображение бесконечно великими образами. Последняя фраза мне так и напоминает Карла Моора, Фердинанда и Дон-Карлоса 3. (*Примеч. А. И. Герцена.*)

болезнь, то она болезнь нашего времени, и ее приходится выстрадать, несмотря ни на какие ампутации и паллиативы.

Б. смотрит на людей сверху вниз и даже редко дает себе труд скрывать *свои полупрезрительные и полупокровительные отношения* к тем, которые его ненавидят, и к тем, которые слушаются. Он никого не любит. Он считает совершенно излишним стеснять свою особу в чем бы то ни было. В его цинизме две стороны, внутренняя и внешняя, цинизм мыслей и чувств и цинизм манер и выражений. Ироническое отношение к чувству всякого рода, к мечтательности, к лиризму составляет сущность внутреннего цинизма. Грубое выражение этой иронии, *беспричинная и бесцельная резкость* в обращении относятся к внешнему цинизму. Б. не только эмпирик, он, кроме того, неотесанный бурш. В числе почитателей Б. найдутся, наверное, такие люди, которые будут восхищаться его грубыми манерами, следами бурсацкой жизни, будут подражать этим манерам, составляющим во всяком случае *недостаток*, а не достоинство³.

Такие люди всего чаще вырабатываются при серой обстановке трудовой жизни; от сурового труда грубеют руки, грубеют манеры, грубеют чувства, человек крепнет и прогоняет юношескую мечтательность, избавляется от слезливой чувствительности; за работой мечтать нельзя, на мечту человек смотрит, как на блажь, свойственную праздности и барской изнеженности, нравственные страдания он считает мечтательными, нравственные стремления и подвиги – придуманными и нелепыми. *Он чувствует отвращение к фразистости*.

Затем Писарев представляет генеалогическое дерево Базарова: Онегины и Печорины родили Рудиных и Бельтовых, Рудины и Бельтовы – Базарова (по воле или по неволе выпущены декабристы – не знаю).

Усталые, скучающие люди заменяются людьми, стремящимися к делу, жизнь бракует обоих, как негодных и неполных. «Пострадать им иногда придется, но сделать дело никогда не удастся. Общество к ним глухо и неумолимо. Они не умеют ужиться с его условиями, ни один из них не дослужился до *начальников отделения*. Иные утешаются, становясь профессорами и работая для будущего поколения». Отрицательная польза, приносимая ими, не подлежит сомнению. Они размножают людей, *неспособных* к практической деятельности, вследствие чего самая практическая деятельность, или, вернее, те формы, в которых она обыкновенно выражается теперь, медленно, но постоянно понижается в мнении общества.

«Казалось (после Крымской кампании), что рудинству приходит конец, что за эпохой бесплодных мечтаний и стремлений наступает эпоха кипучей и полезной деятельности. Но мираж рассеялся. Рудины не сделались практическими деятелями, из-за них выдвинулось новое поколение, которое *с укором и насмешкой* отнеслось к своим предшественникам. «Об чем вы ноете, чего вы ищете, чего просите от жизни? Вам, небось, счастья хочется? Да ведь мало что! Счастье надо завоевать. Есть силы – берите его. Нет сил – *молчите*, а то и без вас тошно!» Мрачная, сосредоточенная энергия сказывалась в этом *недружелюбном* отношении молодого поколения к своим наставникам. В своих понятиях о добре и зле это поколение сходилось с лучшими людьми предыдущего, симпатии и антипатии были общие; *желали они* одного и того же, *но люди прошлого* метались и суетились. *Люди настоящего не мечтают, ничего не ищут, не поддаются ни на какие компромиссы и ни на что не надеются. Они так же бессильны, как и Рудины, но они сознали свое бессилие.*

³ Предсказание сбылось. Странная вещь – это взаимодействие людей на книгу и книги на людей. Книга берет весь склад из того общества, в котором возникает, обобщает его, делает более наглядным и резким, и вслед за тем бывает обойдена реальностью. Оригиналы делают шаржу своих резко оттененных портретов, и действительные лица вживаются в свои литературные тени. В конце прошлого века все немцы сбивали немного на Вертера, все немки на Шарлотту; в начале нынешнего университетские Вертеры стали превращать ся в «разбойников», не настоящих, а шиллеровских. Русские молодые люди, приезжавшие после 1862, почти все были из «Что делать?», с прибавлением нескольких базаровских черт. (Примеч. А. И. Герцена.)

«Я не могу действовать теперь, – думает каждый из этих новых людей, – не стану и пробовать, *я презираю все, что меня окружает*, и не стану скрывать моего презрения. В борьбу со злом я пойду, когда почувствую себя сильным. Не имея возможности действовать, люди начинают думать и исследовать... Суеверия и авторитеты разбиваются вдребезги, и мирозерцание совершенно очищается от разных призрачных представлений. Им дела нет, идет ли за ними общество; они полны собой, своей внутренней жизнью. Словом, у Печориных *есть* воля без знания, у Рудиных – знание без воли, у Базаровых – и знание и воля. *Мысль и дело сливаются в одно твердое целое*».

Тут все есть, как видишь, если нет ошибки, и характеристика и классификация – все коротко и ясно, сумма подведена, счет подан, и с той точки зрения, с которой автор взял вопрос, совершенно верно.

Но мы этого счета не принимаем и протестуем против него из наших преждевременных и не наступивших могил. Мы не Карл V и никак не хотим, чтоб нас хоронили живыми.

Странные судьбы *отцов и детей*! Что Тургенев вывел Базарова не для того, чтоб погладить по головке – это ясно; что он хотел что-то сделать в пользу отцов – и это ясно. Но в соприкосновении с такими жалкими и ничтожными отцами, как Кирсановы, крутой Базаров увлек Тургенева, и вместо того, чтоб посечь сына, он выпорол отцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.